

**«ПАЛИ МНЕ НА ДОЛЮ ГОРЕСТНЫЕ МУКИ...»:
Жизненная и творческая судьба «первого амурского поэта»
Леонида Волкова¹**

Леонид Петрович Волков родился 3 (15) мая 1870 года в Петербурге. Мать его была родом из купеческой семьи, отец – потомственный дворянин, военный топограф, дослужившийся до чина полковника. Родителей Леонид потерял рано: мать – когда ему было три года, отца – в восемь. Детские годы его прошли не в семье, не в атмосфере домашнего тепла, родительской заботы и любви, а в казённом учреждении – Гатчинском Николаевском Сиротском институте.

Видимо, отчасти по этой причине Волков – поэт с преимущественно трагическим мироощущением, которое воплощается в сквозных для него мотивах – тоски и одиночества. Причём, тоска, одиночество в данном случае – не только эмоционально-психологические состояния, но и категории экзистенциальные, следствие осознания поэтом своего тотального одиночества в мире, своего сиротства – не только в узком, но и в широком смысле. Самые основы его души и его поэтического мира пронизывала почти незатихающая боль личного сиротства. Иногда она уходила на глубину и проявлялась опосредованно, иногда с предельной откровенностью выплёскивалась в прямой лирической исповеди поэта, как, например, в стихотворении 1894 года:

Я не помню детства золотые годы,
Радостей немного дали мне они.
С малых лет лишённый ласки и свободы,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

Рос я, проклиная прожитые дни.
Колыбельных песен няня мне не пела,
С кроткою улыбкой не качала мать...
Рано надо мною буря прошумела,
Рано мне пришлось горе испытать.
Брошенный судьбою на чужие руки,
Я не знал, что значит свой родимый кров.
Пали мне на долю горести и муки,
Да куски и крохи от чужих пиров...²

Но дело не только в обстоятельствах жизненной судьбы поэта. Присущее Волкову трагическое мироощущение, как уже было сказано, имело не только биографическую и не только индивидуально-личностную, психологическую подоплёку, но и экзистенциальную. Да и, пожалуй, социальную. В поэте постоянно жило острое неприятие той дисгармонии и тех раздражающих его диссонансов, которые он замечал в государстве, в его социальном устройстве, но более всего – в человеческих отношениях, в поведении и во внутреннем мире многих своих современников. В душе Л. Волков был романтиком-идеалистом, но когда его идеальные представления о мире и людях не совпадали с тем, что он видел вокруг себя, это могло вызвать бескомпромиссно резкое осуждение. Видимо, этой причиной объясняются те предельно жёсткие, горькие упрёки, которые в стихотворении «Суровая Сибирь! Тебе я не родной»³ поэт адресует окружающим его людям (не случайно под этим произведением Волков не только поставил дату, но и, редчайший случай, обозначил место – Благовещенск):

...О, мачеха Сибирь, тебя я не люблю
За то, что твой народ без сердца и без чувства!..
Им движет не любовь, а алчность торгаша.
За брошенный упрёк карает он сурово,
Рассудок в нём молчит, бездействует душа,
За бред считает он восторженное слово!

² Дальний Восток. 1894. № 104. 18 сентября.

³ Дальний Восток. 1896. № 25. 3 марта.

Природа хороша, но страшно пустоты
Расчётливых людей и пошлой их рутины!..
Зачем, скажите, мне солгали вы, мечты,
Рисуя предо мной волшебные картины?..

Человеческая алчность, завистливость, пошлость, продажность, жестокость, а главное – их неискоренимость, их паразитическая живучесть всегда вызывали у поэта чувство глубочайшего разочарования, ранили его в самое сердце.

В 1888 году восемнадцатилетний Леонид Волков, вняв советам своего дяди и опекуна полковника Григория Васильевича Винникова – бывшего сослуживца отца, а в то время командира Амурского казачьего полка – приехал в Благовещенск. Он решил связать свою судьбу с Амурским краем, который виделся ему местом исполнения заветных юношеских мечтаний. В биографическом очерке, которым открываются посмертные «Сочинения Л. П. Волкова» (1902), вдова поэта Екатерина Дионисьевна объясняет решение своего мужа мечтательностью его натуры и желанием обрести долгожданную свободу: «Наконец, ему надоедает... замкнутое житьё, и он начинает подумывать, как бы вырваться на свободу, удовлетворить своему желанию, поехать в даль, в необитаемые страны, где бы можно было на свободе предаться и работе и мечтам». Спустя восемь лет после переезда в стихотворении «Суровая Сибирь! Тебе я не родной» Волков и сам объяснит, что влекло его на берега Амура: «В огромном городе мечталось мне порой / Про прелесть дикую нетронутой природы». Но радужным надеждам в полной мере сбыться было не суждено.

В Благовещенске Волков вначале был зачислен вольноопределяющимся, затем, после окончания Иркутского юнкерского училища (1890–1892) и возвращения в Амурский казачий полк, получил чин подхорунжего, а спустя некоторое время стал сотником. Но военная служба, по всей видимости, не приносила ему радости, порой тяготила его, претила его натуре и склонностям. Хотя, по дошедшим до нас свидетельствам сослуживцев и знакомых, Волков, всей душой ненавидя тупую муштру, солдафонство, бездушное отношение части отцов-командиров к

нижним чинам, честно и со знанием дела исполнял служебные обязанности (а по должности он заведовал вооружением полка). Его уважали в офицерской среде и любили подчинённые – за необыкновенную доброту и сердечность, возвышенную душу, за то, что он был предельно искренним, чистым, по-настоящему благородным человеком. Его никогда не видели среди той части офицерства, которая скрашивала службу в глухой провинции пустым времяпрепровождением – карточной игрой, кутежами, шумными забавами.

На амурских берегах Волков познал счастье любви, счастье семейной жизни. В ноябре 1894 года в Благовещенском кафедральном соборе он обручился с Екатериной Дионисьевной Меркуловой, которая родила ему троих замечательных детей – дочерей Лизу и Нину и сына Анатолия. Своей «Катюше», «Катосе» Леонид Волков посвятил немало трогательных поэтических признаний в любви.

Страсть к сочинительству, которая захватила молодого офицера, какой-то части его сослуживцев, возможно, казалась странной. Но такое непонимание, если оно и было, по всей видимости, мало смущало Волкова: в первые годы после окончания юнкерского училища он публикует стихи особенно часто, что свидетельствует о высокой интенсивности занятий поэзией. И это притом, что служба в полку занимала значительную долю времени. За свою жизнь Волков написал как будто бы не очень много. Но это суждение окажется несправедливым, если принять во внимание, что он не был профессиональным литератором, что заниматься творчеством мог позволить себе лишь в редкие часы досуга, что его жизненная судьба по воле рока оказалась столь трагически короткой. С учётом перечисленных выше обстоятельств и объём, и жанровое разнообразие, и тем более качество им созданного удовлетворяют самым взыскательным требованиям.

По причине того, что в Благовещенске в то время газет ещё не было, первые публикации стихов Л. Волкова состоялись в 1893 году на страницах «Дальнего Востока». С этой владивостокской газетой поэт тесно сотрудничал на протяжении не-

скольких лет. В конце 1890-х большинство его произведений печаталось уже в «Амурской газете», которая стала выходить в Благовещенске с 1895 года. Отдельные стихи Волкова публиковались в иркутской газете «Восточное обозрение», в некоторых других периодических изданиях Сибири. При жизни он успел выпустить всего лишь два поэтических сборника – оба в Благовещенске: «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899). И уже после гибели поэта, в 1902 году, по постановлению и за счёт войскового правления Амурского казачьего войска в Благовещенске и Хабаровске вышла ещё одна книга: «Сочинения Л. П. Волкова. (Посмертное издание)». Сравнительно большой объём (279 страниц) позволил включить почти всё, что поэт успел создать за свою короткую творческую жизнь – не только стихи, но и прозу.

Судя по этому сборнику, социально-политические взгляды Волкова не всегда отличались широтой, порой не выходили за рамки представлений его сослуживцев. В наибольшей степени это проявилось в тех немногочисленных произведениях, в которых поэт затрагивает чувствительную на рубеже XIX–XX веков тему непростых дипломатических и военно-стратегических отношений трёх могучих дальневосточных соседей – России, Китая и Японии:

«Страна восходящего солнца»
Калечит прогнивший Китай,
Успех одурманил японца,
Японец хватил через край.
Макаки, в решениях скоры,
С Россией хотят воевать,
И – нас за Уральские горы
Грозятся в Европу прогнать;
Но только не знают бедняги,
Что им в результате войны
Придётся китайские флаги
Микадо кроить на штаны.

Конечно, пафосное стихотворение это, созданное Волковым в 1895 году, то есть за девять лет до крайне неудачной для

России русско-японской войны, носит, что называется, урапатриотический, то есть официозный, казённо-оптимистический характер. И при этом в какой-то степени отражает уровень, как говорится, обывательских представлений. Вряд ли оно предназначалось для открытой печати, вряд ли было проходимо для тогдашней цензуры⁴. Тем не менее, для современного читателя оно чрезвычайно важно, так как обнажает со всей непосредственностью и прямолинейностью внешнеполитические симпатии и антипатии сотника Волкова и, как можно предположить, взгляды если и не всех, то подавляющего большинства амурских воинов рубежа XIX–XX веков.

Жизнь Леонида Волкова трагически оборвалась 21 июля 1900 года, когда ему едва исполнилось тридцать лет. В это время между Россией и Китаем происходил конфликт, некоторыми современными историками именуемый «русско-китайской войной 1900–1901 годов». Русские войска, в ответ на ружейный и артиллерийский обстрел и «осаду» Благовещенска переправившиеся в ночь на 20 июля на правый берег Амура, продвигались по направлению к Айгуну, но внезапно натолкнулись на хорошо укреплённую позицию противника у китайского селения Колушань (ныне Цялунь-шань). Во время атаки на эту позицию и погиб Волков, командовавший 4-й сотней Амурского казачьего полка. По свидетельству очевидцев, во время стремительной атаки сотня отбила два артиллерийских орудия. Однако когда при захвате этих орудий нескольких казаков во главе с Л. Волковым бесстрашно устремились к зарядному ящику, на котором сидел китаец-артиллерист с зажжённым фитилём, тот успел взорвать под собой ящик со снарядами. Этим страшным взрывом и был убит Волков. Его тело было привезено в Благовещенск на пароходе «Сунгари» 22 июля, а на следующий день при большом стечении тех, кто пришёл с ним проститься, поэт был похоронен со всеми почестями на военном кладбище (к сожалению, оно не сохранилось). Более подробное изложение обстоя-

⁴ Впервые стихотворение «Страна восходящего солнца...» было напечатано лишь после смерти автора в книге: Сочинения Л. П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902.

тельств гибели Леонида Волкова можно найти в очерках А. Лосева⁵ и Н. Рудковского⁶.

Свою раннюю смерть Волков предчувствовал и, похоже, внутренне к ней был готов. Об этом, в частности, свидетельствуют многие его произведения позднего периода, в том числе последняя прижизненная публикация поэта – стихотворение «Обряда пышного венчанья», напечатанное в «Амурской газете» 11 июня 1900 года, за месяц с небольшим до гибели. В нём он с каким-то ледяным спокойствием признаётся в чувствах, казалось бы, совершенно неестественных для тридцатилетнего офицера, любящего и любимого мужа, отца троих малолетних детей:

...люблю я погребень,
Мерцанье тихое свечей,
Глубокий траур, службы пенье
И слёзы горькие людей.
Люблю стоять вблизи я гроба –
Я рад всегда за мертвеца:
Он мирно спит – печаль и злоба
Не омрачат его лица.
Он всё свершил, достиг свободы,
Расстался с душною землёй,
И все житейские невзгоды
Не возмутят его покой.

А. В. Лосев, объясняя подобные строчки, высказал предположение, что «последние годы жизни Волкова прошли под знаком душевного кризиса», причина которого – в разладе «идеального», оказавшегося несбыточной мечтой, и «сущего», обернувшегося к поэту преимущественно негативными сторонами.

⁵ Лосев А. В. «Первый амурский поэт»: Очерк жизни и творчества Л. П. Волкова // Амур: Литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 31–47.

⁶ Рудковский Н. Поэт и воин: Очерк // Приамурье: Литературно-художественный альманах. № 5 (23). Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2001. С. 113–120.

Всё это как будто бы справедливо, но ведь подобный разлад поэт ощущал не только в последние годы.

Своё предположение на этот счёт выскажем чуть позже, а пока вернёмся в первую половину 1890-х годов. По всему видно, что в тот период Волков-поэт буквально упивался созерцанием амурской природы, смотрел на неё влюблёнными глазами. Пейзажная лирика занимает в его творчестве одно из самых значительных мест. По служебным делам Волков объездил не только Амурскую область, он побывал в Забайкалье, на Нижнем Амуре, в Приморье, заезжал в Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Владивосток. Результатом этих поездок стала целая россыпь замечательных пейзажных зарисовок: «Байкал», «Вьюком», «В дороге», «Бросает на небо заря позолоту», «Фантазия», «В соседстве гольда и маньчжура», «На Дальнем Востоке», «Прохладой веет с океана», «Заброшен город Невельского», «Памяти адмирала Невельского»... Немало лирических миниатюр Волкова запечатлели пейзажи Благовещенска – в разное время суток, в разное время года.

Если бы Волков был коренным амурцем, а не петербуржцем, если бы его взгляд с детства привык к амурским пейзажам, он, возможно, не стал бы с таким пристальным вниманием и интересом всматриваться в детали, различать краски и полутона местной природы.

Рисуя пейзажные картины Приамурья, поэт весьма часто «вписывает» в них тех, кто живёт на противоположном берегу Амура. Таково, например, стихотворение Леонида Волкова, впервые опубликованное в газете «Дальний Восток» (1893. № 43. 6 июня):

Зеркальное лоно Амура
Купается в бледной тени...
На том берегу у маньчжура
Вечерние блещут огни...
Звезда за звездой выступает;
Блестящая всходит луна,
И тихо земля засыпает
В объятьях волшебного сна...

Лишь гулом дрожащим смущая
Безмолвие дремлющих вод,
У мола, пары выпуская,
Пришедший шинит пароход.

Необозримые просторы, уходящая в небо бездонная вертикаль, спокойное, почти дремотное течение величественной реки, разлитый вокруг покой, умиротворение, неповторимый в своей первозданной красоте амурский ландшафт, располагающий к созерцательности и философским раздумьям и воспринимающийся гармоничной частью глобального мироздания — таковы общие контуры и атмосфера создаваемой поэтом художественной картины. А в ней, этой картине, законное место занимают обитатели правобережья. Маньчжуры для казачьего офицера, петербуржца по рождению Волкова — не дикие туземцы, не враги, явные или потенциальные, а мирные труженики, в поте лица добывающие пропитание. Поэт испытывает к ним явную симпатию, воспринимая их органичной частью местного быта и бытия. Такой смысл явственно прочитывается ещё в одной пейзажной зарисовке, датированной тем же 1893-м, но напечатанной годом позже (Дальний Восток. 1894. № 26. 6 марта):

Бросает на небо заря позолоту,
И медленно гаснет, темнеет Амур...
Уже отдыхает, закончив работу,
Под кровлею фанзы усталый маньчжур.
Ложится молчанье на лоно природы;
Огни зажигает лазоревый свод,
И будит и гонит шумящие воды
Железною грудью своей пароход...

Кстати, образ парохода, символизирующий, во-первых, связь, соединение двух берегов пограничной реки, во-вторых, военную, техническую, экономическую мощь Российской империи, неотвратимость пришедших вместе с нею на Амур позитивных перемен, социального и технического прогресса, встречается не только в двух процитированных произведениях, но и в ряде других стихов Волкова: «Дедушка Денисов» (1893), «В

Хингане» (1895), «Под небом Франции далёкой» (1898) и т. д. И это притом, что в реальности пароходов в начале 1890-х годов на Амуре было не так уж и много.

Следует обратить внимание на важную особенность мировидения поэта, с особой наглядностью проявившуюся в пейзажной лирике. Когда Волков всматривался в благовещенские, амурские пейзажи, перед его мысленным взором часто открывались не только сами природные явления, но и события недавнего исторического прошлого, с ними связанные. Историческое чувство жило в нём естественно, поэтому ему не нужно было специально обращаться к историческим событиям. Волкову достаточно было взглянуть на деревья, звёздное небо, водную гладь реки, одинокий могильный крест, услышать вой пурги или шум парохода, и исторические ассоциации рождались сами собой. Его поэтическая мысль связывала в единое целое события, происходившие на Амуре начиная с XVII века (походы Хабарова, оборона Албазина), и удалённость или близость времён не играла для Волкова принципиальной роли.

В подобных стихах, ассоциативно обращённых к теме прошлого, ощутима линия на романтизацию сильных, волевых, самоотверженных людей. Таковыми, в представлении поэта, были отважные первопроходцы, во главе с Н. Н. Муравьёвым присоединившие Амурский край к России:

В первые дни покорения края,
Дни неустанных трудов,
Вниз по Амуру, препятствий не зная,
Плыл на плотах Муравьёв.
Были с ним люди, могучие волей,
Смелые духом и полные сил...⁷

Это произведение 1894 года имеет ярко выраженную острополемическую направленность и строится на противопоставлении, с одной стороны, первопроходцев, людей долга, готовых пожертвовать собой ради интересов государства, с другой – тех,

⁷ Дальний Восток. 1894. № 131. 27 ноября.

кто вслед за ними ринулся на Амур проторённой и потому безопасной дорогой с единственной целью – нажиться, «водкой торгуя и затхлой мукой»:

Вслед за плотами, под видом участия
И сострадания к братьям родным,
Двинулась шайка искателей счастья
С разного рода товаром гнилым...

Если первые для поэта – герои, и поэтому «их не забудут ни Царь, ни Россия», то вторые – «предатели славы родной», а потому достойны лишь «презренья». Нужно понимать, что презрительные оценки «алчных торгашей» обращены не только в прошлое, но и в настоящее. Такие люди, если судить по стихам Волкова «Скучно мне шумной толпы ликования», «Вы ищете жизни, вы жизни хотите?!», «Суровая Сибирь! Тебе я не родной», «Тина», во множестве населяли современный ему Благовещенск.

И поэтому вновь и вновь его поэтическое воображение возвращалось к теме освоения Амура, к образам тех, кто думал не с личной выгоде, а о державных интересах. Волков рисует целую галерею образов покорителей Амура, в том числе тех, кого знал, видел лично. Среди них участник первых сплавов по Амуру старый казак Денисов («Дедушка Денисов»), первый православный священник Благовещенска отец Александр Сизой («Безыскусственны речи простые твои») и др. Пожалуй, самое значительное произведение этого ряда – стихотворение «Дедушка Денисов»⁸, в котором поэт не только извне, со стороны рисует реалистически достоверный портрет выдавшего виды ветерана, но и предоставляет ему слово – воспроизводит его неспешный монолог-воспоминание:

«...Невольню вспомнишь Муравьёва...
Эх, голова покойник был...
Одно промолвил только слово

⁸ Дальний Восток. 1893. № 54. 19 августа.

И целый город заложил!..
Болото было да дичина,
А ныне божья благодать!..
Такая выросла махина
И в полчаса не обскакать...
Оно случалось и говели,
Трудненько было нам подчас,
Живьём капрала даже съели –
Вишь, хлеба не было у нас...
С почётом кости схоронили,
Тут недалечко под горой,
Могилку зеленую прикрыли
И крест поставили простой...
Да всё сказать, как вправду было
Не повернётся и язык!..»
И головой своей уныло
Поник, задумавшись старик...

Этот живой рассказ, насыщенный разговорными, просторечными формами (*оно случалось, трудненько, вишь, тут недалечко*), интересен тем, что обнаруживает неподдельный интерес поэта не только к историческим личностям, чьи образы покрыты романтическим гляncем, но и к самым простым участникам амурских экспедиций, причём показываемым во всей их жизненной непосредственности. Поэта не уставала восхищать способность русского человека старой закалки стойчески переносить любые неурядицы и невзгоды, терпеть голод и стужу, приспособливаться к самым неблагоприятным внешним обстоятельствам и при этом не терять присутствия духа и любой ценой исполнять свой долг.

Доживающие свой век ветераны «амурского дела», которых Волкову посчастливилось узнать в Благовещенске, были самым достоверным свидетельством крепости духа уходящего в небытие поколения. Этим людям он при всяком удобном случае выражал своё глубочайшее уважение, о них вспоминал в стихотворении, впервые публично прочитанном им в мае 1898 года в Благовещенске у монумента, установленного на месте первой ставки графа Муравьёва-Амурского:

Ещё не все сошли в могилы,
Ещё живут в глухих углах
Борцы, растратившие силы
На бесприютных берегах;
И здесь я вижу, между нами,
Когда-то мощной силы цвет,
Давно покрыты сединами,
Стоят свидетели тех лет...

Но самый большой прилив патриотических чувств вызывал у Волкова Николай Николаевич Муравьёв-Амурский, которому он посвятил немало поэтических строк и целых стихотворений. Одно из лучших – «Под небом Франции далёкой»⁹, которое посвящено памяти легендарного покорителя Амура, умершего и похороненного в 1881 году на чужбине, в Париже:

Под небом Франции далёкой,
Средь католических крестов,
На старом кладбище Ла-Шеза
Зарыт в могиле Муравьёв,
Вдали любимой им отчизны
Скончался он, судьбой гоним;
В Париже шумном русской тризны
Друзья не справили над ним...

Тематически произведение Волкова перекликается со стихотворением «Воздушный корабль» Лермонтова – самого близкого ему по мироощущению и трагической судьбе поэта. Эта перекличка становится особенно явственной при сопоставлении процитированного фрагмента со следующими строчками «Воздушного корабля»:

Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

⁹ Амурская газета. 1898. № 21. 24 мая.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжёлый,
Чтоб встать он из гроба не мог...

Но вот финалы произведений различаются: у Лермонтова он минорный, так как император Франции потерял всё (родину, трон, «угасшего» сына, гренадёров, «спящих» «под снегом холодной России», маршалов, погибших или «продавших шпагу свою»); у Волкова – скорее мажорный, ибо славные деяния генерал-губернатора Восточной Сибири не пропали даром, преобразив прежде дикий край:

Мы твёрдо стали на Амуре,
Вошли в открытый океан,
Флаг русский поднят в Порт-Артуре
И отдан нам Талиенван.

...в вечность канули те годы,
Сбылися смелые мечты:
Амур волнуют пароходы,
Горят над городом кресты;
Везде раскинулись селенья,
Могучей жизнью дышит край,
И смотрит, полный уваженья,
На нас с надеждою Китай.

Л. Волков часто вписывает в рисуемый им пейзаж либо памятные знаки, воплощающие в себе героическое прошлое – будь то памятник Н. Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровске («В соседстве гольда и маньчжура», «Фантазия»), либо природные явления, которые хранят память о подвигах первопроходцев. В стихотворении «Не богат наш край преданьями»¹⁰ поэт описывает «тяжёлые лишения», с которыми довелось столкнуться покорителям Амурского края – тем, кто нашёл последний приют «под деревьями дорожными» и «под снежными сугробами». Но

¹⁰ Дальний Восток. 1894. № 9. 23 января.

ощущение драматичности их судьбы сочетается в произведении Волкова с ощущением незыблемости Божьего мироздания и прочности национального бытия, в котором не могут быть преданы забвению или обесценены героизм, честное исполнение долга, самопожертвование. Не случайно пронизанное драматизмом стихотворение заканчивается чуть ли не на оптимистической ноте:

И поёт им память вечную
Диким голосом пурга,
Да беседу бесконечную
О былом ведёт тайга.

Казалось бы, поэт рисует вполне конкретный пейзаж, реалистически достоверную картину, однако в произведении ощущим и второй план – символический. Особенно явственно он обнаруживает себя в финальной строфе, в которой природа на своём языке ведёт рассказ о тех, кто, исполняя долг, слёг в эту землю, и даже «поёт им память вечную».

Мотив памяти – один из ключевых у Волкова. Особенно часто он звучит в стихах, обращённых к личности и деяниям Муравьёва. Приведём ещё один фрагмент уже цитировавшегося стихотворения «Под небом Франции далёкой»:

Прошла тяжёлая пора,
Теперь разросся сад тенистый
На месте графского шатра,
Шумят деревья, зеленея,
Желанный мир царит кругом,
И монумент стоит, белея,
Напоминая о былом...

Память о покорителе Амура, по мысли поэта, хранит не только монумент, но и «желанный мир», который воцарился на присоединённой к России амурской земле. Эту тему Волков развивает в стихотворении «В соседстве гольда и маньчжура»¹¹:

¹¹ Дальний Восток. 1894. № 74. 3 июля.

...И вместо прежнего шаманства,
Раздоров, войн – царит окрест
Великий символ христианства
И вестник мира – Божий крест...

Иначе говоря, Муравьев-Амурский заслужил вечную память уже тем, что способствовал утверждению на этих землях света христианства. Ведомые им казаки смогли преодолеть все невзгоды и опасности потому, что свершали Божье дело.

Поэзия Л. Волкова (а он, судя по воспоминаниям, был весьма начитанным человеком) органично впитала в себя коды тысячелетней русской культуры – отчасти фольклорные, отчасти литературные, но в большей степени православные. Конечно, сотник Волков не был истово верующим человеком, тем более не являлся религиозным догматиком, он был прежде всего лириком. Однако поэт ощущал Божье присутствие в мире – это заметно даже в стихах, на сюжетном и образном уровнях как будто бы не имеющих прямой связи с церковностью, религиозностью. Несмотря на то, что в русском образованном обществе конца XIX века серьёзное и уважительное отношение к христианству воспринималось как признак социального ретроградства, Волков до последних дней оставался человеком и поэтом с православным мироощущением. Одно из самых проникновенных его стихотворений, в котором явственно присутствует литургическое, просветляющее начало, посвящено знаменитой православной святыне – иконе Албазинской Божьей Матери:

Темно и пусто вокруг ограды...
Окутан храм в ночную тьму...
Неугасаемой лампы
Огонь колеблется в углу...
Там Божьей Матери икона
Стоит, лучом озарена,
Больных и сирых оборона, –
Священный дар Албазина.
С верховьев до низа Амура
Икону эту чтит народ;

Про Хабарова и даура
Идёт рассказ из рода в род.
Умрёт о них воспоминанье,
Сотрёт могилы долгий век, —
Но в помощь Божию преданье
Не позабудет человек!
В часы душевного разлада,
И в ясный день, и в поздний час,
Напомнит каждому лампада,
Что есть заступница у нас!..

В такие минуты, когда душа его обращена была к небу, трагедийная тональность почти совсем уходила из поэзии, к Волкову возвращалось ощущение внутренней цельности и стойкости своей русской души, находящей опору в вере. Но так было не всегда.

Выше уже отмечалось, что в большинстве стихотворений Л. Волкова, написанных в последние месяцы его жизни («Плачет над городом звон колокольный», «Обряда пышного венчанья», «За кладбищем во рву, с верёвкой на шее» и др.) выразилось доступное лишь немногим истинным поэтам предчувствие близкой смерти. Обратимся к одному из них — а именно к стихотворению «Плачет над городом звон колокольный», опубликованному в «Амурской газете» 7 марта 1900 года (и перепечатанному там же 7 января 1901 года, то есть уже после гибели автора):

Плачет над городом звон колокольный,
Звуки печальные льются рекой,
В душу врывается холод невольный,
Сердце сжимается страшной тоской...

В этом произведении Волкова прочитывается не только предчувствие собственной скорой гибели, но и ностальгия по утраченному (не суть важно, реальному или желанному, воображаемому) раю — раннему, до смерти родителей, детству. Образы далёкого-далёкого детства смутными, призрачными видениями всплывают в его памяти, отзываются в его жаждущем

благодатной любви сердце. Потребность в молитвенном покаянии, обращённом к тому, кто способен понять и исцелить своим мудрым прощением страдающую душу, страдающую оттого, что в ней остался не реализованным в полной мере потенциал сыновней любви (и в буквальном смысле, и в расширительном — то есть любви к Отцу небесному) — вот один из наиболее личных и глубоко выстраданных мотивов лирики Волкова.

Память рисует картины былые,
Ясно встают предо мною они.
Старая церковь, иконы святые,
Пурпур зари догорает в окне,
Тихо на ризах колеблются тени,
Сумрак, сгущаясь, плывёт надо мной, —
Я с умилением склоняю колени
С детской наивностью веры слепой...

Как видим, поэту было очень близко христианское по своей природе ощущение хрупкости человеческой жизни, скоротечности земного существования, таинства мира небесного, скорую встречу с которым он предвидел.

И всё-таки — по ком в стихотворении «Плачет над городом звон колокольный» звонит этот печальный церковный колокол, кого или что он оплакивает? В чём причина сжимающей сердце поэта смертной тоски? В чём состояла главная причина усилившихся к концу его жизни мрачных, могильных настроений? Она, как представляется, заключается прежде всего в том, что Леониду Волкову дано было свыше пророчески предощутить неуклонное приближение чудовищных исторических и социальных катаклизмов, которые в скором будущем сотрясут Россию, поставив вопрос о самом существовании столь любимого им русского мира, тысячелетней православной цивилизации.

В наследии Волкова, как справедливо писал А. В. Лосев, «не всё равноценно, не всё одинаково значительно с точки зрения художественной». Тем не менее, в конце XIX столетия в Сибири, на Дальнем Востоке он был едва ли не самым значительным поэтом. Но Леонид Волков поэт не столько региональ-

ный – «амурский», «дальневосточный», «сибирский», сколько прежде всего национальный, русский. И дело здесь не только в тематике его стихов, она-то как раз имеет ярко выраженную дальневосточную («сибирскую») доминанту. Дело в другом – в том, что лирический герой Волкова несёт в себе набор основных черт русского национального характера, русской ментальности. По тому, что он успел написать, можно составить достаточно полное представление и о его мироощущении, и о проблемно-тематическом диапазоне, и о художественном своеобразии, и о творческом потенциале, который мог бы раскрыться в полной мере при ином, более органичном развитии его жизненной судьбы.